

Э. ДУРАЧИНСКИЙ. Сталин: создатель и диктатор сверхдержавы. М., 2015. 823 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0000857-5

В хорошо известной историкам книжной серии издательства «РОССПЭН» «История сталинизма» при поддержке Фонда «Российско-польский центр диалога и согласия» появился русский перевод обширного проблемно-биографического исследования известного польского ученого старшего поколения Эугениуша Дурачинского. В 1999–2005 гг. он работал в Москве постоянным представителем Польской академии наук при РАН, в этот период появился и сам замысел будущей книги, и обширный материал для нее, представленный десятками томов документальных источников и трудов на сталинскую тему. Работа над книгой заняла у профессора Дурачинского 2,5 года, с начала 2006 до июля 2008 г., а польский вариант монографии увидел свет в 2012 г.

Важно отметить, что более чем 800-страничная работа изначально не ставит перед собой задачу всесторонне охватить все сюжеты, связанные с жизненным путем и наследием И.В. Сталина, но при этом автор учитывает то обстоятельство, что до него в современной польской историографии биографические труды об этой малоизвестной для Польши исторической фигуре фактически отсутствовали, а лакуна заполнялась переводами работ западных и российских авторов. Дурачинский вполне резонно постарался представить польский взгляд на Сталина, отметив, что его «работа посвящена не сталинизму, а внутренней и внешней политике диктатора» (с. 801). В 19 главах книги наряду с политикой, естественно, нашлось достаточно места и сталинской биографии, при

этом польский историк постарался представить свое видение наиболее обсуждаемых сюжетов «сталинианы»: от обстоятельств появления на свет Сосо Джугашвили до смерти генсека в марте 1953 г. Автор благоразумно перестраховался, уже во вступлении поставив перед читателями вопрос, верным ли оказался избранный им «способ научно-популярного и местами журналистского подхода к столь важной для истории России проблеме» (с. 8). Историк с высоты своего научного опыта хорошо понимал, что без подобных «популярности» и «журнализма» не в состоянии обойтись ни один биограф Сталина, и заранее призвал не судить его строго за общие места и за использование в тексте выбранных мест из публицистики на сталинскую тему, столь многочисленной еще со времен перестройки в СССР.

Впрочем, для российского читателя книга Дурачинского интересна отнюдь не общими местами. Польский исследователь сумел представить характерный и весьма любопытный срез тенденций рассмотрения сталинских проблем в русскоязычной и западной традиции по состоянию на 2006–2007 гг. Этот хронологический рубеж при обращении к работе нужно обязательно учитывать, так как за прошедшее с тех пор десятилетие появилось немало новых публикаций документов и трактовок: историку показалось даже, что даже термин «сталинизм» «сегодня в России [...] используется не слишком часто» (с. 152).

Необходимо присмотреться и к тому, что для автора подспудно существуют

сразу три подхода к Сталину: 1) впитанный выпускником исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 1955 г. еще в юношеские годы в послевоенной Польше и закреплённый в годы учебы в СССР; 2) приобретенный молодым историком в 1956 г. на волне хрущевского разоблачения «культа личности» и растянувшегося на три десятилетия фактического запрета на исследование личности Сталина в советской и польской историографии; 3) наблюдавшийся уже зрелым исследователем со второй половины 1980-х годов, когда сталинская тема стала востребованной, а со временем обрела и широкую источниковую базу для изучения множества аспектов. В ряде случаев Дурачинский не скрывает своей симпатии к работам покойного Д.А. Волкогонова, давая тем самым понять, что некогда, в первой половине 1990-х годов, польскому историку было вполне достаточно и тех сведений о сталинской биографии и политике, что увидели свет к тому времени. Но приехав в Москву в 1999 г. автор оказался искренне поражен богатством и разнообразием новых фактов и точек зрения, и это свое удивление постарался воплотить в обширное повествование.

Разброс сюжетных предпочтений польского исследователя достаточно широк. Автор с первых страниц работы пытается вникнуть во множество деталей сталинской биографии и мировоззрения своего героя, не останавливаясь перед очевидными препятствиями типа слабой разработанности в негрузиноязычной историографии проблем, имеющих отношение к формированию Сталина как революционера в родных местах. Дурачинский, как правило, осторожен с категоричными формулировками и порой дает читателю право выбора даже в ситуациях, где прямо напрашивается очевидный ответ — как в истории с ростом революционера Джугашвили в 1904 г.: полицейские источники с шагом менее чем в полгода оценили длину тела будущего вождя сначала в 171, а затем в 164 см (дотошный автор привел и третью цифру — 170 см, содержащуюся в посмертных медицинских свидетельствах) (с. 45).

Освещая процесс превращения молодого Сталина из «подмастерья» революции в ее «слугу», историк делает меткое замечание по поводу утверждения Р.А. Медведева времен перестройки о том, что «Коба и революция не знали друг друга», оценивая это мнение как «довольно эффектное для публицистики, но весьма далекое от исторической правды» (с. 49). И чем дальше читатель погружается в текст, тем чаще ему приходится иметь дело именно с подобной двойственностью изложения, свойственной уже самому Дурачинскому. Будучи на самом деле далек как от взглядов «авторов разоблачительных книг», во множестве написанных в России и на Западе, так и от подходов своих более молодых коллег по польской исторической науке (таких, например, как С. Дембский и М. Корнат), автор обильно (и часто даже не к месту) употребляет привычные современным полякам антисталинские ярлыки — «диктатор», «император», «тиран», «политический монстр», «великий преступник», упоминает о «лживой сталинской пропаганде» и пр., но параллельно старается сформулировать точки зрения, адекватные именно «исторической правде».

Собственно, последнее обстоятельство и делает книгу полезной и в русском переводе, особенно те главы, что посвящены близким исследовательскому профилю Дурачинского темам, связанным с событиями накануне и в ходе Второй мировой войны. Так, предпосылки нового глобального военного столкновения историк логично усматривает задолго до конца 1930-х годов, отмечая высказывания «хозяина Кремля» еще середины 1920-х о неизбежности такого развития событий и необходимости подготовки к нему и сопоставляя эту точку зрения с высказываниями политических лидеров II Речи Посполитой: «В отличие от польского политика полковника Юзефа Бека, который считал, что «вторая мировая война в жизни одного поколения это многократно» и что до этого не дойдет, Сталин имел другое мнение [...] Он принадлежал к не столь многочисленному кругу европейских политиков, которые уже в двадцатые

годы не исключали возможности нового крупного вооруженного конфликта» (с. 203).

Дурачинский не склонен считать возвышение преемника Ленина в 1920-е годы случайностью: во главе советского строя встал не «неотесанный, хотя и очень амбициозный простак-провинциал с Кавказа» и не «наиболее выдающаяся посредственность», а действиями его руководила отнюдь «не приписываемая Сталину некоторыми авторами паранойя» (с. 152, 205). От персональных качеств «кремлевского горца» автор вполне последовательно абстрагируется: «Лично я не думаю, что политику будущего хозяина СССР, который с успехом превратил слабое в начале двадцатых государство в сталинскую супердержаву сороковых, можно объяснять только его чертами характера или паранойей — как хотели бы некоторые авторы. Возможно, на почве психологии такого рода анализ был бы возможен, но автор не принадлежит к сторонникам этой школы» (с. 53). Главными сталинскими качествами на пути к власти и на вершине ее историк называет «холодный прагматизм и дальновидность в сочетании со стремлением к культу единовластия» (с. 204).

«Тиранство», по мнению польского автора, самоцелью при этом не было, оно составляло неотъемлемую часть масштабных неоимперских амбиций в новой советской упаковке: «Возвращение новой России на позицию, которую занимала Россия царская до своих поражений в Первой мировой войне, я бы назвал главной целью политики вождя большевиков. И именно это обстоятельство, а также жажда абсолютной власти лежали в основе действий Сталина в годы, когда он боролся с оппозицией и “строил социализм в одной стране”» (с. 204). Дурачинский полагает, что сталинская «революция сверху», помимо этого, предполагала и попытку ускоренными темпами «вырваться из исторической отсталости», именно поэтому были задуманы и реализованы «масштабные программы перестройки экономики и социальной структуры: коллективизация сельского

хозяйства, индустриализация и урбанизация в сочетании с всеобщим доступом к образованию всех уровней и достижениям культуры, социальное продвижение городской и сельской молодежи, повсеместная смена элит» (с. 204).

Подобные подходы, как показывает автор, Сталин применял и к послевоенной Польше — он был не только автором ее границ, сохранившихся и по сей день, но и закреплённого конституцией 1952 г. названия «Польская Народная Республика» (вместо предлагавшейся Б. Берутом «Польской Социалистической Республики»). «Государь» внес более 50 правок в проект упомянутой конституции, вписав туда среди прочего и упоминание о бесплатном здравоохранении (с. 780–781). Характерно, что помимо традиционных для стран «народной демократии» упоминаний о репрессивном аппарате и всеобщем конформизме Дурачинский называет и те черты реальности, о которых в современной Польше вспоминают все более неохотно: «Добавлю от себя, что кинозалы и театры не пустовали, что быстро расширялись ряды читателей газет и книг, общеобразовательные и другие школы трещали по швам, университеты были переполнены молодежью, значительная часть которой до 1939 года могла об этом только мечтать. Так было на родине сталинизма, а также в странах “внешней империи СССР”. Бенефициары навязанного извне строя были в основном выходцами из рабочей и крестьянской среды, не слишком процветающей интеллигенции, “трудящейся”, как ее тогда называли. Значительная их часть, возможно, даже большинство, в конце сороковых и первой половине пятидесятых годов довольно быстро и в возраставшем количестве становилась основной идейной частью правящей элиты» (с. 772–773).

Это важное замечание изрядно девальвирует привычные современным полякам авторские упоминания о восточно-европейских «обществах, поработанных диктатором из Кремля» и «навязанном извне строе». Именно на фоне отмеченных тенденций стоит воспринимать тезис историка о противниках новых властей, восхваление которых как «проклятых

солдат» приняло в современной Польше масштабы государственной идеологии: «Новая подпольная Польша не имела сотен тысяч бойцов сопротивления, как ее предшественница в 1939–1944 г., продолжателем дела которой она была, тем не менее она представляла собой значительную силу, однако обреченную на поражение» (с. 771).

Мотив «обреченности» становится ключевым при характеристике перспектив Польши в соприкосновении со «сверхдержавой» Сталина — как в 1930-е годы и в годы Второй мировой войны, так и после 1945 г. Именно поэтому автор в нескольких местах своей работы творчески развивает известный в публицистике тезис о сравнении России с сохой и атомной бомбой: «Берлинская виктория и финал дальневосточной кампании стали символами этой великой победы, которую диктатор поразительно умело и чрезвычайно эффективно использовал, создав советскую сверхдержаву и “внешнюю” империю СССР и тем самым воздвиг себе памятник властителя более успешного, чем Петр Великий и Екатерина II, не говоря уже об Иване Грозном» (с. 647–648, 813).

Эта «величальная», объявляющая Сталина самым выдающимся и притом успешным вождем всея российской истории, конечно же, предельно дискуссионна с точки зрения отечественного

прошлого, но с позиций польского взгляда на проблему она по-своему логична. Аксиоматично избрав СССР и его многолетнего руководителя обстоятельствами непреодолимой силы, профессор Дурачинский жестко пресекает тем самым весьма популярные в нынешней польской традиции и объективно антиисторические дискуссии о неких альтернативах событиям сентября 1939 г., военных лет и ялтинско-потсдамскому миропорядку вплоть до фантазий о том, как Гитлер и маршал Э. Рыдз-Смиглы вместе принимают парад с трибуны захваченного этими гипотетическими союзниками Мавзолея. Очевидное преувеличение роли сына сапожника из Гори в качестведемиурга советского строя вплетено польским автором в сложную ткань повествования в том числе и затем, чтобы оттенить объективную значимость своего персонажа, которую сложно отрицать даже самым рьяным его критикам. Сталин, по мысли его польского биографа, относится «к очень узкому кругу политиков, навсегда оставивших свой след в истории XX века» (с. 813). Прочное осознание этой внешне простой истины способно придать сталинской теме в польской исторической науке новые перспективы при всех понятных издержках политического свойства. Хрущевская традиция обсуждать «культ личности» в отсутствие самой этой личности теперь не актуальна и в Варшаве.

© 2018 г. Ю.А. Борисенко